

Глава третья

Обладание предначертанным: встреча Яшмы и Нефрита

Когда Линь Хаю пожаловали чин придворного чтеца Академии Ханьлинь, его первенцу Сююю как раз исполнился год. По случаю обряда первого выбора — древнего обычая «чжуачжоу» — в усадьбе Линь устроили пышное пиршество, собравшее полный дом именитых гостей.

«Чжуачжоу» — старинное гадание по первому выбору младенца. Годовалого ребёнка усаживают посреди широкого кана, вокруг которого раскладывают самые разные вещи. В знатных и богатых домах на постель выкладывают редкие сокровища, древние бронзовые треножники эпох Чжоу и Шан; в семьях же потомственных книжников — «четыре драгоценности кабинета», редкие манускрипты и старинные свитки. Считалось великой честью, если дитя выкажет тягу к наукам. Разумеется, для маленького наследника дома Линь приготовили всё лучшее: кан пестрел и драгоценностями, и учеными фолиантами.

Едва усаженный на кан, Сююю не обманул всеобщих ожиданий. Скользнув равнодушным взглядом по россыпи сверкающих сокровищ, он уверенно протянул ручонку и вытащил бамбуковые дощечки «Цан Цзе». Гости дружно зааплодировали, наперебой превознося дитя. Все твердили, что мальчику самой судьбой предначертан великий ум, а в его груди сияет созвездие Мудрости.

Поговаривали, будто несколько лет назад в столице произошло нечто подобное: тогда дощечки «Цан Цзе» вытащил внук покойного гуна Синь, младший брат Хоу Сяокана — унаследовавшего титул цзы первого класса. Тот столичный вундеркинд, которому сейчас едва исполнилось четыре года, уже прослыл будущим первым ученым империи.

Наблюдая за сыном, Линь Хай с довольным видом поглаживал ухоженную бородку. В душе его всколыхнулось воспоминание о пророческом сне накануне рождения Сююя, в котором сама фея Цзиньхуань нарекла младенца сошедшей на землю Звездой Литературы. Теперь сомневаться не приходилось: те слова не были пустой игрой воображения.

Настало время для второй попытки, и гости подались вперёд, гадая, какой ещё подвиг совершит юный наследник. Сююю на мгновение замер в нерешительности, а затем пополз мимо заморских диковинок прямо к горке изделий из благородного камня. Под пристальными взглядами собравшихся он выудил из кучи изящные сдвоенные кольца из чистейшей яшмы «Цюньяо». Дом снова взорвался восхищёнными возгласами.

— Недаром его зовут Нефритовым юношей дома Линь! — наперебой загомонили гости. — Сегодня он выбрал драгоценную яшму, а значит, обретёт облик прекрасный, как чистый нефрит, и характер крепкий, словно золото. В будущем он непременно станет благородным мужем, чистым и безупречным!

Собравшиеся дружно закивали, подхватывая хвалебный хор. Однако маленькому Сююю не было дела до чужих восторгов. Он преспокойно уселся на кане, увлечённо теребя шёлковый

шнурок, завязанный под кольцами в замысловатый узел взаимной любви, и забавлялся с ним в своё полное удовольствие.

Памятуя о блестящем празднестве у соседей, чета Жунфу не пожелала уступить. Когда их первенцу Цзя Чжу исполнился год, в Жунфу закатили не менее роскошный пир, созвав гостей со всех концов столицы. Линь Хай с супругой тоже получили приглашение и взяли с собой двухлетнего Сююя, который уже вовсю делал первые неуверенные шаги.

В главном покое красовался просторный кан, застеленный пёстрым покрывалом из старинной парчи. Глаза разбегались от обилия разложенных на нём диковин: здесь были и счёты Ван Хая, и дощечки «Цан Цзе», и весы богатства, и флейта Хун Я, и судейская печать, и ларец гурмана, и шлем полководца, и связка бубенцов. Не забыли положить даже котелок И Иня, мерный брусок Лу Баня, детские волчки, гадальные фишки для пиров, священные книги трёх главных учений, груды золотой и серебряной утвари, коробочки с румянами, белилами и всевозможные яства.

Вскоре Цзя Чжэн велел служанке позвать матушку Чжэн. Кормилица бережно вынесла годовалого Цзя Чжу и усадила его в самый центр этого великолепия. Обыкновенно младенцы тянутся к вещам бездумно, повинуюсь лишь минутной прихоти. Однако маленький Цзя Чжу обладал разумом взрослого человека и прекрасно понимал, каких свершений ждёт от него родня.

Окинув взглядом разложенные перед ним предметы, он мысленно усмехнулся, заметив лежащие прямо под боком дощечки «Цан Цзе». Очевидно, их положили так близко нарочно, чтобы он гарантированно ухватился за них. Тонкий расчёт его дражайшего родителя лежал на поверхности.

Впрочем, потакать отцовским чаяниям Цзя Чжу не собирался. На этот счёт у него были собственные соображения.

«Жизнь в этом мире, — размышлял он, — зиждется на двух столпах: власти и достатке. Чтобы удержать власть, нужно преодолеть горнило государственных экзаменов и получить чин. А это как раз то, чего так не хватает нашему дому. Обитатели поместья погрязли в междоусобицах ради сиюминутной выгоды, среди них нет ни одного дальновидного стратега. Они лишь проедают наследие предков, бесчинствуют, слепо растрачивая последние крупы былого величия. Стоит Юаньчунь покинуть дворец, некому будет защитить наш род сверху. Оставшись без покровительства, мы лишимся всякой опоры, и враги растопчут нас одним ударом»

Совсем иным путём шёл род Линь. Как только срок наследования дворянских титулов истёк, их потомки без колебаний ступили на стезю книжной службы. Ныне Линь Хай дослужился до высокого второго чина. Безупречная репутация и умеренность позволили его дому благополучно процветать, не боясь невзгод.

«Значит, и мне суждено пройти этой дорогой чиновничьей карьеры, — решил Цзя Чжу. — В основе экзаменационных сочинений лежат лишь канонические тексты»

Определившись с целью, мальчик решительно протянул руку и схватил трактат Чжу Си «Собрание комментариев к Четверокнижию» — единственное признанное государством руководство для подготовки к экзаменам. Мельком глянув на бамбуковые дощечки «Цан Цзе», он снисходительно подумал:

«Стезя великих поэтов, дотошных каллиграфов и заоблачных мудрецов хороша для тех, кто витает в облаках. Мой путь приземлённее и практичнее»

Наблюдавший за ним Цзя Чжэн успел заметно побледнеть, когда сын проигнорировал лежащие под боком дощечки древнего писца. Однако стоило младенцу ухватиться за конфуцианский канон, как гнев отца мгновенно сменился восторгом. Присутствующие разразились бурными похвалами, пророча ребёнку славу великого книжника, чьи будущие труды потрясут Поднебесную.

Принимаясь за вторую попытку, Цзя Чжу нацелился на дела практические. Жунфу казалось неистощимой сокровищницей, однако из-за бездумного мотовства и неумения вести дела оно было обречено на разорение.

«Роскошь бесследно испарится, если не уметь преумножать богатство» — рассудил он и потянулся к «звезде изобилия» — золотым весам, знаменующим покровительство бога богатства и коммерческую хватку.

Гости снова заахали, осыпая дитя похвалами, но у Цзя Чжэна от такого выбора заметно испортилось настроение. Он лишь с трудом сдерживал раздражение. Цзя Чжэн мнил себя утончённым литератором, презирающим корысть. Он предпочитал вести пустые философские беседы со своими прихлебателями, утверждая, будто истинный благородный муж выше мирских забот. Однако именно его надменная беспечность и неумение управлять хозяйством проложат семье дорогу в долговую яму.

Обряд завершился, как вдруг в зале произошло неожиданное замешательство. На протяжении всей церемонии Линь Хай, без памяти любивший своего маленького Сююя, держал его на руках, развлекая и наблюдая за происходящим. Однако двухлетний Сююй, замороженный обилием ярких, сверкающих безделушек на кане, внезапно закапризничал и затребовал пустить его поиграть. Линь Хай попытался успокоить сына, но безуспешно. Поскольку Цзя Минь со служанками отдыхала во внутренних покоях, передать упряма было некому. Пришлось отцу сдаться и поставить Сююя на пол.

Едва почувствовав под ногами опору, Сююй, который ещё толком не умел ходить, покачиваясь из стороны в сторону, целеустремлённо поковылял к широкому кану, где восседал Цзя Чжу.

Услышав шум, Цзя Чжу поднял голову. Ему сразу всё стало ясно: соседский малец попросту позарился на блестящие безделушки.

Маленький Сююй добрёл до кана, но в силу возраста взобраться на него не мог. Он ухватился крохотными ручонками за деревянный край и, вытягиваясь во весь рост, принялся лепетать

что-то невнятное, тщетно пытаюсь дотянуться до разложенных вещей. Цзя Чжу нахмурился от лёгкого раздражения. Чтобы унять незваного гостя, он не глядя схватил со стола крупную безупречную жемчужину в вершок поперечником и протянул её плачущему крохе. Сююй тут же нащупал гладкий, прохладный шарик, крепко сжал его в ладошке и примолк, зачарованно разглядывая новую игрушку.

Гости так и покатались со смеху, наперебой расхваливая детей: одни восхищались недетской сметливостью Цзя Чжу, другие — чуткой душой Сююя. Стоявший рядом Линь Хай так и расцвёл от гордости. Он бережно подхватил сынишку на руки и прижал к себе. Наблюдая, как ласково тот сжимает жемчужину, не желая выпускать её ни на миг, отец ощутил, как его сердце переполняет безграничная нежность.

Минули годы. Как-то раз, вспоминая детство, Цзя Чжу в шутку припомнил тот случай на обряде:

— Капризный нрав нашего великого таланта проявился ещё в младенчестве. Ты так шумел, что Чжу-эру пришлось утихомирить тебя той самой жемчужиной.

Сююй отложил в сторону раскрытую книгу и нежно обнял его за плечи:

— Неужели твоё чуткое сердце не разгадало этой загадки? То было знамение свыше, предрекшее нашу судьбу. В тот самый миг небо явило мне истину: я обрёл свою бесценную Жемчужину.

И действительно, ту самую случайно подаренную жемчужину Сююй берёт всю жизнь, неизменно нося при себе. Даже когда неумолимый бег времени стёр её влажный блеск и превратил в тусклый камень, он ни разу не расстался со своим сокровищем.

Впрочем, эта история случится ещё нескоро, пока же вернёмся к делам минувших дней.

<http://bllate.org/book/18221/1751686>